

Коридоры Академии встретили их бурлящей рекой неугомонных адептов, отдыхающих в перерыве между парами. Встречные представители практически всех известных разумных рас этого мира болтали, смеялись, хихикали, травили анекдоты, делились тайнами, зубрили недоученные лекции и цвели прочими проявлениями жизни юных волшебников, пока над их головами не нависала очередная лекция или практикум.

Дженни одной рукой придерживала Саманту за талию и всем телом прижималась к ней, словно в подтверждение того, что сегодня утром у них действительно был великолепный секс. В отличие от молодых парней, поглядывающих на парочку задорно и с блеском в глазах, реакция встречных адептов различалась. Одни краснели от смущения, другие игриво подмигивали, третьи ворчали что-то себе под нос, но крохотный амулет звукоусиления, встроенный в серёжку,...

подсказывал Дженни, что за спиной её называют «развратная», «давалка», «подстилка» и, конечно же, всеми любимое «шлюха». Волшебница пылала от удовольствия, давно воспринимая подобные оскорбления как проявления женской зависти. Ни у кого из этих волшебниц не было такой же доброй, любящей и отзывчивой подруги, как Саманта, и уж точно ни у кого не было подружки с настоящим, живым членом. И Дженни не опасалась, что какая-нибудь из адептов, ослеплённая ненавистью за чужое счастье, отомстит ей какой-нибудь пакостью, например, изнасилует палкой от швабры (в определённых обстоятельствах рыжая даже могла воспринять это не как наказание) или сотворит что-то ещё.

Нет, никто из адептов не рискнул бы нарываться на неприятности, связанные с единственной в Академии истинной волшебницей Хаоса. Даже в толпе других юных волшебников Саманту всегда окружала аура холодной отчуждённости, недоверия, недомолвок, скрытых опасений... Виной тому не только пугающая и таящая множество загадок магия Хаоса, древнейшая сила, с трудом поддающаяся магическому контролю, но и история появления Саманты на свет, случившаяся всего каких-то три года назад.

... Девушка очнулась от безвременного забытья, лёжа на полу посреди обширного зала. Вокруг толпились перепуганные ученики в длинных белых мантиях, за их спинами маячил седовласый профессор, растерянно сжимающий в руках белый остроконечный колпак. Помещение наполняли отголоски могучей магии, тающие, словно дым на ветру.

Адептам было отчего перепугаться. В их памяти, которую ещё не настигла катящаяся волна преобразования реальности, стояла ужасающая картина того, как самоуверенная адептка, вскрывшая сосуд Хаоса при помощи банальной телекинетической магии, чего запрещали делать все трактаты и памятки, билась в транс Хаоса. Освобождённая из заточения и пробуждённая, древняя сила подчинила себе тело освободительницы, заставив слагающие её материю принимать самые разнообразные формы, растягиваясь, скручиваясь, расплываясь на всю учебную аудиторию и сжимаясь до размеров атома. А тело, привыкшее к порядку, сопротивлялось, стремилось вернуться в своё естественное состояние. В те доли секунд, на которые волшебница становилась собой, она душераздирающе кричала, испытывая страшную боль. В пространство летели неконтролируемые сгустки магической силы, не оформленные в заклинания. Ученики бросились искать спасения от них за партами, шкафами и

индивидуальными защитными полями.

Со времён Катаклизма в Академии Дримондера не происходило ничего столь же ужасающего и катастрофического, как в тот день. Если бы сила Хаоса окончательно разорвала тело адепки и рванулась в окружающее её пространство, никакие высшие магические барьеры не спасли бы никого в этих стенах и за их пределами. На многие километры всё сущее было бы уничтожено, исчезло, расплылось на мельчайшие частицы неопределённого вещества.

Дримондер был спасён, благодаря любви.

Один из лаборантов, влюблённый в злополучную адепку, кинулся к возлюбленной, чтобы сбить её с места, вывести из-под воздействия магии Хаоса, всё ещё связанной с сосудом. Он, конечно же, не знал, что этого делать нельзя ни в коем случае. Едва он прикоснулся к материи, объятай Хаосом, ужасающая сила влилась в его тело и объединила его с адепткой, сделав их единой материальной массой. Однако сила инерции, которую несло с собой тело мчащегося со всех ног лаборанта, отбросила то, что получилось из них обоих, в сторону от рокового сосуда.

Сгусток силы Хаоса оторвался от своей основной массы, и прежде, чем ещё хоть толика магии, скрывавшейся внутри тонких стенок, вырвалась наружу, профессор, наконец добравшийся до сосуда, рывком вогнал в горлышко пробку с магической печатью. Всё моментально стихло.

Тело адепки не могло принять в себя всю силу, которую нёс с собой Хаос, но когда в эту неуравновешенную систему добавилось слагаемое несчастного лаборанта, сила Хаоса нашла достаточноеместилище в сумме их материи. Появилось то, что на языке академии называлось «айя». Человек-сосуд, хранящий внутри себя силу Хаоса.

Ученики осторожно выбирались из-под парт и рассеивали защитные поля. Их внимание было приковано к неподвижно лежащему на полу телу. Айя представляла собой высокую стройную темноволосую девушку с бледной кожей, вызывающе большой грудью и — вот уж чего совсем не ожидаешь! — мужским достоинством между ног. Девушка не напоминала ни худосочную блондинку-адепку, ни русоволосого лаборанта, давших ей начало. Тело, ставшее сосудом Хаоса, приняло произвольную форму, унаследовавшую лишь некоторые «родительские» признаки.

Девушка очнулась от безвременного забытья, лёжа на полу посреди обширного зала. Вокруг толпились перепуганные ученики в длинных белых мантиях, за их спинами маячил седовласый профессор, растерянно сжимающий в руках белый остроконечный колпак. Помещение наполняли отголоски могучей магии, тающие, словно дым на ветру.

— Что это за место? Кто вы? Кто... я? — такими были первые слова новорожденной айи.

Когда волна преобразования реальности, запущенная пробуждённой силой Хаоса наконец добралась до разума адептов, никто из них уже не помнил, кем были те злополучные ученики. Хаос стёр часть пространственно-временных связей в этой реальности, в которых фигурировали

«родители» айи. Адепты помнили, что в результате чего-то неопишемого их стало на одного больше. Лишь великовозрастный профессор, чья память была усилена магическими заклинаниями, сохранил смутные, точно полузабытый сон, воспоминания о произошедшей катастрофе, едва не стеревшей с лица земли Дримондер в тот день.

<http://erolate.com/book/898/20498>